

**НАУКА.
КУЛЬТУРА.
ПРОСВЕЩЕНИЕ**

Ф. А. БУРДИН

Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче

Государь Николай Павлович страстно любил театр. По обилию талантов русский театр тогда был в блестящем состоянии. Карагыгины¹, Сосницкие², Брянские³, Рязанцев⁴, Дюр⁵, Мартынов⁶, Самойловы⁷, Максимов⁸, Асенкова⁹, не говоря уже о второстепенных артистах, могли быть украшением любой европейской сцены.

Вот что мне рассказывал известный французский актер Верне о русских артистах того времени.

«Когда мы приехали, — говорил Верне, — в Петербург в начале тридцатых годов, нам сказали, что на русской сцене играют «Свадьбу Фигаро»; нам это показалось забавным, и мы, ради курьеза, пошли посмотреть.

Посмотрели да и ахнули: такое прекрасное исполнение произведения Бомарше сделало бы честь французской комедии. Карагыгины, Рязанцев, Сосница и Асенкова были безукоризненны, но более всех нас поразил Сосницкий в роли Фигаро. Это было олицетворение живого, плутоватого испанца; какая ловкость, какая мимика! Он был легче пуха и неуловимей ветра», — выразился Верне. — Почти сконфуженные мы вышли из театра, видя, что не учить варваров, а самим нам можно было у них поучиться».

Вот в каком положении была тогда русская труппа, по словам чужеземного специалиста.

Этому блестящему состоянию русского театра, кроме высочайшего внимания, искусство было обязано также известным

любителям сцены: князю Шаховскому¹⁰, Грибоедову¹¹, Катенину¹², Гнедичу¹³, Кокошкину¹⁴, которые сердечно относились к артистам, давали им возможность развиваться в своем кружке и в тоже время писали для сцены.

Балет тоже отличался блеском, имея во главе первоклассных европейских балерин: Тальони¹⁵, Фанни Эльслер¹⁶, Черито, Карлоту Гризи¹⁷ и др.*, а французский театр по своему составу мог соперничать с Comedie Fran aise; довольно назвать супругов Аллан, Брессана, Дюфура, Плесси, Вольнис, Мейер, Бертон, Руже, Готи, Верне, позднее Лемениль и др.

Очень понятно, какую пользу могли извлекать русские артисты, видя такие примеры.

Русская опера только что зарождалась, не имея еще родных композиторов до появления Глинки, хотя и в ней были выходящие из ряда таланты, как, например, Петров и его жена. Петров как певец и актер исполнял Бертрама в «Роберте» в таком совершенстве, до которого, по мнению знатоков, не достигал никто из иностранных артистов, появлявшихся на петербургской сцене.

Театр был любимым удовольствием государя Николая Павловича, и он на все его отрасли обращал одинаковое внимание; скабрезных пьес и фарсов не терпел, прекрасно понимал искусство и особенно любил *haute comedie*, а русскими любимыми пьесами были: «Горе от ума» и «Ревизор».

Пьесы ставились тщательно, как того требовало достоинство императорского театра, на декорации и костюмы денег не жалели, чем и пользовались чиновники, наживая большие состояния; постановка балетов, по их смете, обходилась от 30 до 40 тысяч.

За малейший беспорядок государь взыскивал с распорядителей строго и однажды приказал посадить под арест на три дня известного декоратора и машиниста Роллера за то, что при перемене одной декорации запуталась за другую.

Он был не повинен в цензурных безобразиях того времени, где чиновники, стараясь выказать свое усердие, были *les royalistes plus que le roi*. Лучшим доказательством тому служит, что он лично пропустил для сцены «Горе от ума» и «Ревизора».

Вот как был пропущен «Ревизор». Жуковский¹⁸, покровительствовавший Гоголю¹⁹, однажды сообщил государю, что молодой

* Из русских Андреянова, Смирнова и Шлефохт.

талантливый писатель Гоголь написал замечательную комедию, в которой с беспощадным юмором клеймит провинциальную администрацию и с редкой правдой и комизмом рисует провинциальные нравы и общество. Государь заинтересовался.

— Если вашему величеству в минуты досуга будет угодно прослушать, то я ее прочел бы вам.

Государь охотно согласился. С удовольствием выслушал комедию, смеялся от души и приказал поставить на сцене. Впоследствии он говоривал: «В этой пьесе досталось всем, а мне в особенности». Рассказ этот я слышал неоднократно от М. С. Щепкина²⁰, которому, в свою очередь, он был передан самим Гоголем.

Во внимание к таланту В. А. Каратахина, он ему дозволил исключительно один раз в свой бенефис дать «Вильгельма Телля», так как Каратахин страстно желал сыграть эту роль.

Как он здраво и глубоко понимал искусство, может служить примером следующий рассказ. В Москве в 1851 году с огромным успехом была сыграна в первый раз комедия Островского²¹ «Не в свои сани не садись». Простотой, безыскусственностью, глубокой любовью к русскому человеку, она поразила всех и произвела потрясающее впечатление. Появление этой пьесы было событием в русском театре. Вследствие огромного успеха в Москве, в том же году, в конце сезона ее поставили в Петербурге.

Государь, страстно любя театр, смотрел каждую оригинальную пьесу, хотя бы она была в одном действии. Зная это, при постановке комедии Островского, чиновники ужасно перетрусились. «Что скажет государь, — говорили они, — увидя на сцене безнравственного дворянина и рядом с ним честного купчишку!.. Всем — и нам, и автору, и цензору — будет беда!» Ввиду этого хотели положить комедию под сукно, но говор о пьесе в обществе усиливаясь более и более, и дирекция, предавши себя на волю Божью, решилась поставить ее.

Комедия имела громадный успех. На второе представление приехал государь. Начальство трепетало... Просмотрев комедию, государь остался отменно доволен и соизволил так выразиться: «Очень мало пьес, которые бы мне доставляли такое удовольствие, как эта. Ce n'est pas une piece, c'est une le on!» В следующее же представление опять приехал смотреть пьесу и привез с собой всю августейшую семью: государыню и наследника цесаревича с супругой, и потом приезжал еще раз смотреть ее весной после Святой недели, а между тем усердные чиновники в то же время

держали автора, А. Н. Островского, под надзором полиции за его комедию «Свои люди — сочтемся».

Впрочем, тогда подобные аномалии у нас были не редкость. Государь Александр Николаевич соизволил пожаловать А. Н. Островскому бриллиантовый перстень за пьесу «Минин», где автор так сильно выразил народное патриотическое чувство, а цензура в то же время запретила эту пьесу, находя ее представление несвоевременным.

Безумно было бы обвинять монарха стомиллионного народа за то, что он не знает мелких злоупотреблений чиновника.

Государь желал успеха русской драматической литературе, поощрял литераторов; доказательством тому служат неоднократные пособия Гоголю, драгоценные подарки всем авторам, писавшим тогда для сцены: Кукольнику²², Полевому²³, Каратагину, Григорьеву²⁴, а Полевому он, ввиду его стесненного положения, пожаловал пенсию.

Государь, очень часто приходивший во время представлений на сцену, удостаивал милостивой беседы артистов и однажды, встретив Каратагина и Григорьева, поклонился им в пояс, сказавши: «Напишите, пожалуйста, что-нибудь порядочное»*.

Его милости к артистам были неисчерпаемы. Во время болезни Дюра он прислал к нему своего доктора. Узнав о плохом здоровье Максимова, приказал его отправить лечиться на счет дирекции за границу.

В Красном Селе спектакли были четыре раза в неделю, и он приказал выстроить дачи для артистов, чтобы меньше затруднять их переездом.

Сосницкому по интригам отказали в заключении с ним контракта, и он вышел в отставку. Государь не знал об этом. Однажды, с ним встретившись, он спросил его:

— Отчего я тебя давно не видал на сцене?

— Я в отставке, ваше величество, — отвечал Сосницкий.

— Это отчего?

— Вероятно, находят, что я уже стар и не могу работать, поэтому со мной не возобновили контракта.

— Что за вздор, — я хочу, чтобы ты служил! Передай дирекtorу, что я лично ему приказываю немедленно принять тебя на службу.

* Слышал от П. И. Григорьева.

Разумеется, Сосницкий был принят, и не только директору, но и министру двора* было выражено сильное неудовольствие государя.

Любовь артистов к государю доходила до обожания. Трудно передать тот восторг, который он вселял своим ласковым словом, в котором равно выражалась и приветливость, и величие.

После представления каждой новой пьесы, имевшей маломальски порядочный успех, все главные исполнители получали подарки и были лично обласканы государем.

После красносельских лагерей государь со всем семейством переезжал на жительство в Царское Село, где и оставался до 8 ноября, дня именин великого князя Михаила Павловича.

Во время пребывания в Царском Селе, при дворе, постоянно были два раза в неделю спектакли, состоявшие из одной русской и из одной французской пьесы.

Артисты приезжали с утра, завтракали во дворце, обедали, после обеда, если кому угодно, катались по парку в придворных линейках, предоставленных им по приказанию государя; после спектакля ужинали и возвращались в Петербург; за эти спектакли все артисты были награждаемы высочайшими подарками.

Желая возвысить звание артиста в обществе, государь император предоставил актерам первого разряда, по прослужении десяти лет, звание личного почетного гражданина, а по прослужении 15-ти — потомственного.

А. М. Максимов рассказывал мне, до какой степени он сочувствовал молодым артистам. «Я всегда волнуюсь и робею за молодого человека, — говорил император, — беспрестанно боюсь, чтоб он не сделал какой-нибудь неловкости или промаха, и только смотря на опытных артистов, не испытываю этого чувства; за тебя я всегда спокоен!»

Государь Николай Павлович так хорошо был знаком с составом труппы, что без афиши знал фамилию каждого маленького актера.

Что же мудреного, что при такой любви и внимании к театру могущественного монарха, перед которым трепетали распорядители, зная, что малейшая небрежность и упущение не пройдут безнаказанно, — театр стоял так высоко.

Подобное блестящее положение искусства не возобновится.

* Передано мне самим И. И. Сосницким.

Проведите параллель между артистами того и нынешнего времени, и будет видно, далеко ли ушла русская сцена.

Одно слишком высокопоставленное лицо, в семидесятых годах, спросило меня:

— Отчего так мало хороших русских пьес?

— Оттого, что вы редко нас посещаете, — отвечал я.

— Но я таланта сделать не могу.

— Это верно, ваше ...ство, но, когда увидят, что вы интересуетесь нашим делом, тогда те, которые управляют им, чтобы угодить вам, приложат все старания к русской сцене, чтобы приохотить авторов трудиться для театра, — а кому же охота работать теперь, встречая затруднения в цензуре, в постановке и получая за все неприятности грошевое вознаграждение.

В заключение расскажу несколько характерных случаев, бывших при встрече государя с артистами.

Государь очень жаловал французского актера Верне, который был очень остроумен. Однажды государь, гуляя пешком, встретил его в Большой Морской, остановил и несколько минут с ним разговаривал. Едва государь удалился, как будто из-под земли вырос квартальный и потребовал у Верне объяснения, что ему говорил государь. Верне, не зная по-русски, не мог ему ответить; квартальный арестовал его и доставил в канцелярию обер-полицеймейстера, который тогда был Кокошкин. Кокошкина в то время не было дома; когда он возвратился, то, разумеется, Верне был освобожден с извинением.

Вскоре после этого государь, бывши в Михайловском театре, пришел на сцену и, увидя Верне, подозвал его к себе. Верне, вместо ответа, замахал руками и опрометью бросился бежать... Это удивило государя. Когда по его приказанию явился к нему Верне, он спросил его:

— Что это значит, вы от меня бегаете и не хотите со мной разговаривать?

— Разговаривать с вами, государь, честь слишком велика, но и опасна — это значит отправляться в полицию; за разговоры с вами я уже просидел полдня под арестом!

— Каким образом?

Верне рассказал, как это случилось.

Государь очень смеялся, но Кокошкину досталось.

П. А. Каратыгин отличался необыкновенной находчивостью и остроумием. Однажды летом в Петергофе был спектакль. За неиме-

нием места, приехавшие для спектакля артисты были помещены там, где моют белье. Государь, встретив Каратахина, спросил его: всем ли они довольны?

— Всем, ваше величество; нас хотели поласкать и поместили в прачечной.

Однажды государь пришел на сцену с великим князем Михаилом Павловичем. Великий князь был в очень веселом расположении духа и острил беспрерывно. Государь, обратясь к Каратахину, сказал:

— У тебя брат отбивает хлеб!

— У меня останется соль, ваше величество, — отвечал Каратахин.

Актер Григорьев 2-й, играя апраксинского купца в пьесе «Ложа 3-го яруса на бенефис Тальони», рассказывая о представлении балета, позволил себе в присутствии государя остроумную импровизацию, не находящуюся в пьесе.

Государю эта выходка очень понравилась, и он разрешил Григорьеву говорить в этой пьеске все, что он захочет. Григорьев, будучи человеком талантливым и острым, очень ловко этим воспользовался. Он говорил в шуточной форме обо всем, что тогда интересовало петербургское общество. Вся столица сбегалась слушать остроты Григорьева, успех был громадный, и на эту маленькую пьеску с трудом доставали билеты.

В особенности от Григорьева доставалось Гречу²⁵ и Булгарину²⁶. Тогда Греч читал публичные лекции русского языка, а Григорьев говорил на сцене, что немец в Большой Мещанской (где читал Греч) русским языком показывает.

Булгарин написал пьесу «Шкуна Нюкарлеби».

Григорьева спрашивают на сцене, что такое «Шкуна Нюкарлеби?»

— Шкуна? это судно, — отвечает он.

— А Нюкарлеби?

— А это то, что в судне!

Булгарин и Греч выходили из себя, ездили жаловаться к директору А. М. Гедеонову, просили, чтобы он запретил Григорьеву глумиться над ними... но Гедеонов отвечал, что не имеет на это права, а пусть обратятся к государю императору, который дозволил шутить Григорьеву.

В. А. Каратахин был очень большого роста. Однажды государь сказал ему:

— Однако, ты выше меня, Каратыгин!

— Длиннее, ваше величество, — отвечал ему знаменитый трагик.

Государь очень любил Максимова и часто удостоивал с ним беседовать. Однажды, пользуясь благосклонным разговором государя, Максимов спросил его: можно ли на сцене надевать настоящую военную форму? Государь ответил:

— Если ты играешь честного офицера, то, конечно, можно; представляя же человека порочного, ты порочишь и мундир, и тогда этого нельзя!

Максимова уже давно соблазнял гвардейский мундир; воспользовавшись дозволением государя, он на свой счет сделал себе гвардейскую конно-пионерную форму и надел ее, играя офицера в водевиле «Путаница». Как нарочно в это представление приехал государь.

В антракте перед началом водевиля, выходя из ложи на сцену, он увидел в полуосвещенной кулисе Максимова и принял его за настоящего офицера.

— Зачем вы здесь? — строго спросил его император.

Максимов оробел и не отвечал ни слова.

— Зачем вы здесь? — еще строже повторил государь.

Максимов, за несколько времени перед этим кутивший, не являлся к исполнению своих обязанностей. Ему показалось, что за это государь гневается, и растерялся окончательно.

— Зачем вы здесь? Кто вы такой? Как ваша фамилия? — и, взяв его за рукав, подвел к лампе, посмотрел в лицо и увидал, что это Максимов.

— Фу, братец, я тебя совсем не узнал в этом мундире.

У Максимова отлегло от сердца. После он говорил, что натерпелся такого страха, что не только бы обер-офицерский мундир не надел, а даже и фельдмаршальский!

Государь очень интересовался постановкой балета «Восстание в серале», где женщины должны были представлять различные военные эволюции. Для обучения всем приемам были присланы хорошие гвардейские унтер-офицеры. Сначала это занимало танцовщиц, а потом надоело, и они стали лениться. Узнав об этом, государь приехал на репетицию и строго объявил театральным амазонкам: «Если они не будут заниматься как следует, то он прикажет поставить их на два часа на мороз с ружьями, в танцевальных башмачках». Надобно было видеть, с каким жаром пере-

пуганные рекруты в юбках принялись за дело; успех превзошел ожидания, и балет произвел фурор.

Однажды, присутствуя на представлении оперы «Жизнь за царя», государь остался особенно доволен игрой О. А. Петрова и, придя на сцену, сказал ему: «Ты так хорошо, так горячо выразил любовь к отечеству, что у меня на голове приподнялась накладка!» Продолжая с ним милостиво разговаривать, он выразил свое удовольствие, что русская опера делает большие успехи.

Восхищенный Петров сказал ему:

— Вот, ваше величество, если бы нам приобрести тенора Иванова, тогда бы опера поднялась еще выше.

Государь сердито взглянул на Петрова и быстро от него отвернулся.

Наступила мертвая тишина. Петров растерялся, начальство тоже смотрело испуганно на государя, который стоял нахмутившись. Так прошли две-три минуты, лицо государя прояснилось, он подошел к Петрову, положил ему руку на плечо и сказал: «Любезный Петров, какими бы достоинствами человек ни обладал, но если он изменил своему отечеству, он в моих глазах не имеет никакой цены. Иванову никогда не бывать в России!» Это мне передано О. А. Петровым.

Скажу несколько слов об Иванове. Он был придворным певчим. Чтобы обработать прекрасный голос, он был отправлен на казенный счет за границу. Зная ограниченные оклады русских артистов, по окончании учения он остался за границей, имея громадный успех на сцене и получая большие деньги. Государь потребовал, чтобы он возвратился. Иванов пел тогда в Неаполе; боясь, что его выдадут, он сел на английский пароход и тихонько уехал. Впоследствии он принял иностранное подданство и умер за границей. Он был большой любимец Россини, а Донизетти написал для него оперу: «Elisir d'amore». Он пел с громадным успехом в Италии, в Лондоне и Париже вместе с знаменитым Рубини.

М. С. Щепкин передал мне следующий любопытный рассказ из его жизни. Когда он уже был в преклонных летах, то в один из своих отпусков приехал в Киев. Тогда генерал-губернатором был известный своим крутым характером и мерами Бибиков. Узнав о приезде Щепкина, он прислал к нему своего адъютанта с просьбою играть в тот же день. Старик отказался вследствие усталости с дороги, а какие дороги были в то время — известно всем. Бибиков оскорбился его отказом. Вскоре после этого,

Бибиков пригласил к себе Щепкина на обед, где собралось все высшее киевское общество.

Желая колынуть Щепкина, за обедом Бибиков сказал, что наши артисты очень много о себе думают, поэтому очень часто забывают даже перед высокопоставленными лицами и отвечают дерзкими отказами, если их удостоивают какой-нибудь ничтожной просьбой.

— Это им чести не делает, не правда ли, г. Щепкин?

— Вы, в. п., строги и несправедливы к артистам, — отвечал ему Михаил Семенович, — проживши с ними весь век, я знаю моих товарищев и не думаю, чтобы кто-нибудь из них мог поступить так грубо и невежливо. Если же кто-либо решился отказать вашему превосходительству в исполнении вашего желания, то он, вероятно, на это имел уважительные причины. Наш всемилостивейший государь смотрит на артистов снисходительнее: однажды я имел счастье получить приглашение к государю императору на маленький семейный вечер, на котором читал драматические сцены и мои рассказы; особенно эти рассказы понравились маленьким великим князьям, они забрались ко мне на колени и говорили:

— Дядя, расскажи еще что-нибудь!

— Не беспокойте его, — строго сказал им государь, — вы видите, он устал, дайте же ему отдохнуть!

Так если сам государь так относится к артистам, то другие-то уже, я полагаю, не имеют права заявлять невозможные требования.

Бибиков нахмурился и не ответил ни слова.

Нигде так не выражалась снисходительность и любовь к артистам государя, как в следующем происшествии. Однажды, после спектакля во дворце в Царском Селе, во время ужина два маленьких артиста Годунов и Беккер выпили лишнее и поссорились между собою. Ссора дошла до того, что Годунов пустил в Беккера бутылкой; бутылка пролетела мимо, разбилась об стену и попортила ее. Ужинали в янтарной зале; от удара бутылки отскочил от стены кусок янтаря. Все страшно перепугались; узнав это, в страхе прибежали: директор, министр двора князь Волконский²⁷; все ужаснулись при мысли, что будет, когда государь узнает об этом. Ни поправить скоро, ни скрыть этого нельзя. Государь, проходя ежедневно по этой зале, должен был непременно увидеть попорченную стену. Виновных посадили под арест, но это не исправляло

дела, и министр и директор ожидали грозы. Такой проступок не мог пройти безнаказанно и не у такого строгого государя. Министр боялся резкого выговора, директор — отставки, а виновным все предсказывали красную шапку.

Действительно, через несколько дней государь, увидя испорченную стену, спросил у князя Волконского: «Что это значит?» Министр со страхом ответил ему, что это испортили артисты, выпивши лишний стакан вина.

— Так на будущее время давай им больше воды, — сказал государь; тем дело и кончилось.

Да будет благословенна память незабвенного монарха, покровителя родного искусства и артистов.

